

- 4 Ларин Б. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды // Русская речь. Вып. 1. Петербург, 1923. С. 19.
- 5 Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 375.
- 6 Колианский Г. Контекстная семантика. М., 1980. С. 115.
- 7 Turner G. Stylistics. Harmondsworth, 1975. P. 146.
- 8 Колианский Г. Указ. соч. С. 115.
- 9 Виноградов В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 203.
- 10 Походня С. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев, 1989. С. 97.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Miescke D. Op. cit.
- 14 Фомичева Ж. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 15.
- 15 Сергиенко А. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995. С. 11.
- 16 Там же.
- 17 Каменская Ю. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. С. 74.
- 18 Орлов М. Текстобразующая ирония в русской и англоязычной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. С. 5.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 См.: Болотнова Н. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-гезаурус. Томск, 2008. С. 289.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Штайн К. Гармония поэтического текста. Ставрополь, 2006. С. 578.
- 25 Там же.
- 26 Шатуновский И. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 349.
- 27 Там же.
- 28 Там же.

УДК 821.161.109-3+929Шмелев

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГРЕЦИЗМА ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА ЛАМПАДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале творчества И. С. Шмелёва)

Е. И. Лучина

Саратовский государственный университет
E-mail: luchinae@mail.ru

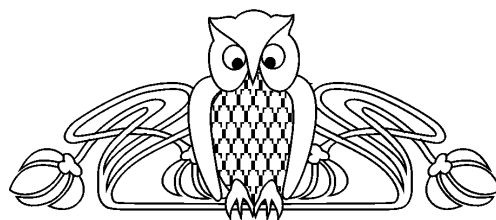
Статья посвящена концептуализации грецизмов православного дискурса в художественном тексте. На материале романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» И. С. Шмелёва проведено поуровневое исследование концепта *лампада*. При анализе концепта выделяются предметно-понятийный, образно-символический и ценностно-оценочный уровни, особенности которых связаны с культурными и религиозными традициями, а также обусловлены жанровой спецификой данных произведений писателя.

Ключевые слова: лексические грецизмы, дискурс, идиостиль, концептуализация.

Conceptualization of a Greek Orthodox Discourse Loan-Word Lampade in Fiction (on the Works of I. S. Shmelyov)

Ye. I. Luchina

The article is focused on the conceptualization of Greek loan-words from the Orthodox discourse in literature. On the material of a novel and a story by I. Shmelyov we have analyzed the layer structure of the concept *lampade*. It is possible to distinguish objective-notional, imagery-symbolic, and evaluative levels of the concept. Their distinctive features are related to the cultural and religious

traditions, and are also predetermined by the genre characteristics of the author's works.

Key words: Greek loan-words, discourse, idiostyle, linguistic conceptualization.

Одним из самых частотных в текстах И. С. Шмелёва оказывается грецизм *лампада*: при анализе романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» всего зафиксировано более 80 его словоупотреблений. На наш взгляд, такая относительно высокая частотность позволяет говорить о принадлежности данной лексемы к основополагающим для идиостиля писателя, воплощающим в себе концепты и отражающим, таким образом, индивидуально-авторскую модель мира.

По данным словарей, письменное заимствование *лампада* через старославянский восходит к среднегреческому *λάμπα* (светильник) от древнегреческого слова с более широким значением: «1) факел; 2) перен. светоч, светило; 3) лампада»¹. В современном русском языке данный грецизм обозначает масляный светильник, который зажигается перед иконами и на престоле у православных и католиков. Кроме прямого словаря фиксируют переносное значение этого и родственного ему заимствования *лампа* – «пламень души» и даже символическое: «огонь как присутствие на земле Духа Божия»².

В православном религиозном дискурсе грецизм *лампада* входит в лексико-тематическую группу грецизмов *Организация православного культа*, в подгруппу *Предметы богослужения и быта в православной культуре* и представляет один из важных для верующих концептов. Здесь лексема *лампада* включает набор самых общих сем, таких как «свет от источника», «ровный свет», «свет, позволяющий видеть что-либо», а также обладает компонентом значения «блеск», «сияние», «неровный свет», «сверкание», «мерцание».

Данные семы актуализируются в предметно-понятийном слое концепта *лампада* у И. С. Шмелёва, определяя следующие «чувственно» воспринимаемые представления:

1) визуальные – лампада предстает и как объект зрения, и как источник света, позволяющий видеть: «Я вижу разные огоньки – пунцовые, голубые, розовые, зеленые...»³;

2) осязательные представления в восприятии лампы у И. С. Шмелёва оказываются преобладающими и хотя и отличаются условностью и языковой формульностью, все же напрямую связаны с ощущениями тепла: «Теплится лампадка»⁴.

3) обонятельные представления являются опосредованными: «От его пальцев пахнет душистым, афонским, маслом»⁵. Лампады заправляются елеем, или так называемым деревянным маслом, откуда запах такого масла прочно ассоциируется у верующих с лампадой.

Выявленные представления о лампаде связаны с тем, что ведущими в системе этого религиозного концепта являются семы, во-первых, характеризующие внешний облик огня лампы («свет», «блеск», «яркость»), а во-вторых, отражающие физические его свойства («тепло»⁶).

Вместе с тем этот свет и тепло горячей лампы, образ небесного, Божественного света понимаются верующими как свойства, присущие не столько физическому, сколько иному миру, а потому ощущаются по эту сторону не в полную свою силу. Неслучайно самым распространенным предикатом для лампы становятся глаголы с семантикой слабости, неясности: «теплится» и «брежит».

Как показывает анализ, для индивидуального концепта *лампада* у И. С. Шмелёва свет и тепло становятся самыми актуальными признаками. Преобладающая в определении лампы сема «светоносная» генерирует развитие символических коннотаций: лампада предстает как образ вечного света.

В идиостиле И. С. Шмелёва грецизм *лампада* реализует традиционные для христианства и оригинальные когнитивные признаки, обусловленные, прежде всего, символикой цветообозначения лампы как предмета культа, а также участвует в создании некоторых тропов. При анализе романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» выявлены следующие когнитивные признаки концепта

лампада, представляющие собой художественные денотаты:

1) свет/яркость: «лучики лампадки, будто это на небе звездочки»⁷. Деминутивные формы, а также структура сравнения, характерная для фольклора, позволяют говорить о преобладании здесь, во-первых, детского восприятия, а во-вторых, элементов фольклорной поэтики;

2) цвет/прозрачность как признак печали: «зажгли *постную, голого* стекла, лампадку»⁸. Очевидно, что в данном контексте лексемы «голый» и «синий» передают не столько цвет, сколько эмоциональное состояние автора, героя-повествователя и других персонажей. Здесь семантика лексемы «голое» развивается таким образом: «пост» – «прозрачность» – «отсутствие красок» – «отсутствие жизни». Противоположным значением в православном дискурсе обладает лексема «пестрый», то есть «окрашенный», где в сочетании «пестрый день» она приобретает семантику «нестрога постный»⁹.

«Синий» же, реализуя традиционное в христианской иконографии значение непорочности и одухотворенности, тем самым передает особое состояние души – скорбь и медитацию;

3) цвет/свет как признак радости, праздника: «Он несет в кабинет *пунцовую лампадку*, ставит к иконе Спаса, смотрит, как *ровно теплится*, и как *хорошо* стало в кабинете»¹⁰. В системе значений слова *светлый* в древнерусском О. В. Царегородцева, например, выделяет такие переносные значения, как «красивый, приглядный», «благой, добрый», а в современном языке – «радостный, веселый». Ссылаясь на модель развития значений, характерную для русского, польского, древнегреческого и латинского языков, О. В. Царегородцева приходит к бесспорному заключению: «...эти семантические переходы являются реализацией культурной модели, согласно которой все хорошее коррелирует со светом, а плохое, дурное – с тьмой»¹¹;

4) цвет/сияние как атрибут сказочности: «В холодном зале таинственно темнеет елка <...>. За ней чуть брезжит *алый огонек лампадки*, – звездочки, в лесу как будто...»¹². Данный когнитивный признак представляется генетически связанным с предыдущим. В первом случае, однако, перво-степенной является религиозная составляющая в семантике красного цвета, во втором контексте на первый план выступает семантика красоты, радости, жизненной полноты, восходящая к фольклорной традиции и опирающаяся на детские представления об окружающем мире;

5) свет как признак славы: «Под образом с голубенькой лампадкой сидит знаменитый человек Махоров»¹³. Модель семантического развития «светлый» – «славный» – «знаменитый» также известна во многих языках, и русский здесь не является исключением¹⁴;

6) свет как источник привлекательности, умиротворения: «Смотреть приятно, как красу-

ются они рядками, много-много, – будничные, неяркие»¹⁵.

Выявленные когнитивные признаки образа лампы, несмотря на свою обусловленность признаками вполне конкретными и объективными (цвет и свет), несут в прозе И. С. Шмелёва преимущественно абстрактный характер, отражая внутреннее, душевное состояние, с одной стороны, маленького героя-повествователя, а с другой – покинувшего Россию писателя. Таким образом, грецизм *лампада* участвует в создании особого типа повествования в «Лете Господнем» и «Богомолье» – соединении двух ракурсов восприятия канувшей в прошлое купеческой Руси.

В большинстве же контекстов когнитивный признак может быть конкретизирован очень слабо, иными словами, *лампада* приобретает в них символическое значение. Символическое значение появляется на основе устойчивых ассоциаций, посредством которых данный концепт соотносится с другими, преимущественно абстрактными:

1) в линии *свет – небеса* религиозное соединяется с народными суевериями: «Как пал огонь с небес, так все *лампадки-свечечки* и загорелись»¹⁶. На фольклорную тональность указывает использование чрезвычайно распространенного в народной поэзии приема повтора, а также формы Pluralis poetice. Все последующие ассоциации являются производными от этой первой и основаны на христианском понимании Бога: небеса в общехристианской традиции – главное место присутствия Бога, характеристиками которого называются вечность, неизменность, свет, истина, благодать, милосердие, справедливость и другие;

2) *свет – святость*: «Таинственный свет, святой»¹⁷;

3) *свет – икона*: «Праздники и святые лики, кресты, иконы, ризы... плывут на меня по воздуху – свет и звон. И вот, – старенькое лицо, розовая за ним лампадка...»¹⁸. Если в первой части цитаты существование *икона* употребляется вербально, то во второй вводится как бы идея этого важного для христиан священного предмета с зажженной перед ним лампадой, которая, по сути, и символизирует святость изображаемого на иконе. Такое использование грецизмов *икона* и *лампада* служит в текстах И. С. Шмелёва интересным приемом в создании образа Горкина и некоторых других персонажей;

4) *свет – Бог*: «Смотрю на сонные огоньки и думаю: а это святая иллюминация, Боженькина»¹⁹.

В современном русском языке у прилагательного *светлый*, кроме значений, переносных по отношению к главному «ясный и логичный», «возвышенный, благородный», встречается и такое, как «относящийся к Пасхе, пасхальный», например: светлый праздник. Эта семантика восходит к группе значений, отмеченной в отношении древнерусского языка И. И. Срезневским как «свет духовный», «божественное начало» и зафиксированной с XI в.²⁰;

5) *свет – вечность*: «...теплятся негасимые лампы»²¹;

6) *свет – небесная защита*: лампадка горит от пожара;

7) *свет – снег – зима – Рождество*: «“Белят” ризы на образах: чистят до блеска щеточкой с мелком и водкой и ставят “праздничные”, рождественские, лампы, белые и голубые, в глазках. Эти лампы напоминают мне снег и звезды»²². В данной ассоциативной цепочке семантическим стержнем является сема «белый, сияющий, блестящий».

Заметим, что именно здесь иерархия такова: чувства верующего уступают место эмоциональному мировосприятию ребенка. Для ребенка, мыслящего конкретно, снег и связанные с ним забавы, рождественская елка и подарки более понятны, а потому желанны, чем мистическое и абстрактное таинство рождения Христа. Такое наивно-детское представление о Рождестве в романе И. С. Шмелёва все же неотделимо от сугубо религиозного его восприятия;

8) ассоциация *свет – детство* связана у И. С. Шмелёва с предыдущими и, прежде всего, с образом отца: «Он ставит рядом *лампадки* на жестяном подносе и зажигает, напевая священное...»²³;

9) *свет – Россия – зима – мороз – сугробы*. Хотя прямого соположения образов сияющей лампы и России в анализируемых текстах не обнаруживается, их единство имплицитно выражено на каждой странице и раскрывается через всю поэтику романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» – в них ощущается, прежде всего, слияние души писателя и его родины.

Названные символические ассоциации имеют традиционно-поэтический характер и отличаются архитипичностью для христианской культуры в целом; последняя же представляется оригинальной и устойчивой в художественном мире И. С. Шмелёва.

Проявления подобных символических значений грецизма *лампада* осуществляется в текстах И. С. Шмелёва, во-первых, посредством семантически близкого окружения, а во-вторых, наряду с различными средствами художественного выражения, где метафоризатором нередко также выступает лексическая единица религиозного дискурса: «будто *церковь* у ней <...> восемь *мы лампадок* насчитали»²⁴.

Во-вторых, образ лампы может помещаться у И. С. Шмелёва в символический контекст, близкий по содержанию: «лучики *лампадки*, будто это на небе звездочки, и там, высоко, за звездами, – сверкающий омофор-Покров»²⁵. Образ лампы как символ небесного огня соединяется с образом Божьей Матери-Заступницы, охраняющей православных своим омофором, и получает, таким образом, дополнительное символическое значение светлого, безоблачного прошлого России и детства писателя.

Реже грецизм *лампада* у И. С. Шмелёва выступает метафоризатором: «На Пасху будет пунцовая, а теперь – голубая, похожая на цветок, как голубая лилия»²⁶. Лампада, прежде всего своей формой, ассоциируется с чашечкой лилии; лилия же традиционно олицетворяет «божественный дух в земном человеке, внутреннее рождение человека», а ее аромат означает божественность²⁷. В свою очередь, лампада придает таинственность и сакральность всему, с чем соприкасается: в восприятии ребенка-повествователя повсюду совершается божественное таинство, расширяющее религиозное пространство.

Самым распространенным для лампады образным обозначением у И. С. Шмелёва оказывается огонек; при этом сам денотат, то есть собственно лампада, часто опускается: семы «свет» и «яркость» оказываются тогда единственными и предельно усиленными. Нередко в «Лете Господнем» и «Богомолье» лампада-огонек наделяется предикативными признаками, характерными для живого существа: «Малиновые огоньки спят ...»²⁸. Здесь также очевидно свойственное детям стремление одушевлять окружающие предметы, наделяя их человеческими качествами.

Жанровыми особенностями романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» объясняется то, что лампада нередко именуется в них звездой: «Под сенью из серебра, на четырех подпорах <...> теплятся разноцветные лампы-звезды, над ракой Преподобного Сергия»²⁹. Более привычное сочетание «огонек лампы», которое реализует лишь семантику «свет от источника», «свет», а также «яркость», И. С. Шмелёв заменяет сходным по смыслу, но выраженным иным метафоризатором; образ лампы в результате приобретает семантику «небесный свет», реализуя тем самым основное для христианства символическое значение. На такое понимание писателем лампы, очевидно, повлияло изначально символическое наружное и внутреннее устройство православного храма.

Еще одна линия метафоризации, связанная с уподоблением лампы звезде, у И. С. Шмелёва основана на символической ассоциации, о которой говорилось выше: *лампада – Бог*. В главе, посвященной Рождеству, лампада-звезда становится символом Вифлеемской звезды и, таким образом, знаком Божьего присутствия на земле.

Выявлен, пожалуй, единственный случай, где грецизм *лампада* сам служит метафоризатором: «... у Анны Ивановны открываются полные, пунцовые, как лампадка, губы»³⁰. Грецизм *лампада* в сознании верующего имеет, скорее, приятные ассоциации, а сочетание «пунцовая лампада» реализует исключительно положительную оценочную коннотацию.

Таким образом, в образно-символическом слое концепта *лампада* у И. С. Шмелёва происходит соединение христианского понимания лампы как живого и животворного небесного

огня и особенностей детского, а также народного мировосприятия.

Последний, ценностно-оценочный уровень концепта *лампада* в идиостиле И. С. Шмелёва образуют такие когнитивные признаки, как «живой», «светлый – красивый – добрый», «светлый – привлекательный – благостный», имеющие сильнейшую положительную коннотацию.

Оценочный уровень концепта *лампада* в полной мере реализуется у И. С. Шмелёва в образе папаши: «Отец надевает летний пиджак и начинает опрашивать лампадки <...> На душе у меня *радостное и тихое*»³¹. Как отмечалось, образ папаши тесно связан в произведениях И. С. Шмелёва с образом детства, а потому вызывает лишь ощущение радости и грусти, которое распространяется также и на образ лампы.

Рассматриваемая выше ассоциация с образом святой иконы позволяет говорить о том, что грецизм *лампада* участвует в характеристике персонажей: почти всегда самых праведных сопровождает лампада. В сиянии лампадки, думается, можно усматривать и родство с феноменом «светозарности», которое сопутствует героям И. С. Шмелёва. «Светозарность» – от *тихого* света Анны Ивановны, сияния, будто от *иконки*, Горкина, до *слепящего*, исходящего от старца Варнавы в «Богомолье» – верный знак праведности и Божьей благодати в душах героев³².

Итак, анализ грецизма *лампада* в идиолекте И. С. Шмелёва показал его достаточно высокую частотность и концептуальную насыщенность. Различные наглядно-образные представления о лампаде кодируют в идиолекте автора насыщенный образно-символический уровень, формирующийся на основе особенностей детского мировосприятия, религиозных и фольклорных ассоциаций, а также индивидуального опыта писателя. Оценочный уровень концепта *лампада* у И. С. Шмелёва образуют однозначно положительные признаки, во-первых, обусловленные ностальгическим настроением автора, а во-вторых, восходящие к православному учению.

Примечания

- 1 Вейсман А. Греческо-русский словарь. М., 1991.
- 2 См., например: Словарь церковных терминов Д. Покровского. URL: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/slovar> (дата обращения: 18.04.2011); Словарь символов. URL: http://mirslovari.com/content_sim (дата обращения: 18.04.2011).
- 3 Шмелёв И. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 141.
- 4 Там же. С. 262.
- 5 Там же. С. 221.
- 6 См.: Приходько Г. Концепт «огонь» в картине мира русского народа // Наука. Университет. 2005 : материалы VI науч. конф. Новосибирск, 2005. С. 86–89.
- 7 Шмелёв И. Указ. соч. С. 339.
- 8 Там же. С. 178.

- ⁹ Шмелёв И. Указ. соч. С. 221.
¹⁰ Там же
¹¹ Царегородцева О. История и этимология русских светообозначений – рефлексов славянской основы *svět- // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. Вып. 324. С. 58–59.
¹² Шмелёв И. Указ. соч. С. 262.
¹³ Там же. С. 273.
¹⁴ См.: Царегородцева О. Указ. соч. С. 56–60.
¹⁵ Шмелёв И. Указ. соч. С. 415.
¹⁶ Там же. С. 274.
¹⁷ Там же. С. 222.
¹⁸ Там же. С. 336–337.
¹⁹ Там же. С. 221.
²⁰ См.: Царегородцева О. Указ. соч. С. 59.
²¹ Шмелёв И. Указ. соч. С. 168.
²² Там же. С. 393.
²³ Там же. С. 221.
²⁴ Там же. С. 443.
²⁵ Там же. С. 339.
²⁶ Там же. С. 395.
²⁷ Словарь символов. URL: http://mirslovari.com/content_sim. (дата обращения: 18.04.2011).
²⁸ Шмелёв И. Указ. соч. С. 221.
²⁹ Там же. С. 152.
³⁰ Там же. С. 516.
³¹ Там же. С. 221.
³² См.: Марков Д. Православная традиция изображения человека в прозе И. С. Шмелёва (Идея преображения) // Литература. 2007. № 49 (2). С. 42.

УДК 811.111'276

КОНЦЕПТ ТРУД И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАНТЫ В АНГЛИЙСКОЙ ИДИОМАТИКЕ

О. В. Борщёва

Саратовский государственный университет
E-mail: borshcheva@list.ru

Статья посвящена исследованию концепта *труд* в традиционной картине мира носителей английского языка. По своей структуре данный концепт является полевым. Информативная (понятийная) зона концепта во многом определяется его лексическими репрезентантами в составе идиом, а оценочная зона позволяет выявить отношение языкового коллектива к данному явлению.

Ключевые слова: английская идиоматика, фразеологическая единица, концепт *труд*, зоны концепта.

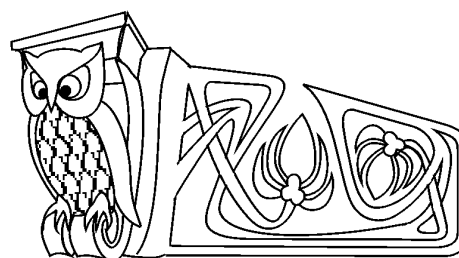
Concept *LABOUR* and its Representatives in the English Language Idioms

O. V. Borscheva

The article deals with the research of the concept *labour* in the traditional world picture of the English language. This concept has a layered structure. The informative (notional) zone of the concept is to a large degree predetermined by its lexical representatives within the idioms, and the evaluative zone helps to reveal the attitude of the linguistic community to this phenomenon.

Key words: English idioms, phraseological unit, concept *labour*, concept zones.

Исследованию концепта *труд* посвящено немало работ (Л. Л. Банкова¹, И. Ю. Вострикова², С. В. Колтакова³), однако его реализации именно средствами идиоматики уделено недостаточно внимания, поэтому в качестве материала нашего исследования были выбраны данные фразеологических словарей английского языка⁴. Число полученных в результате сплошной выборки фразеологических единиц (далее – ФЕ), включающихся в реализацию концепта *труд*, составило около четырехсот единиц.

По своей структуре концепт *труд* является полевым. Информативная (понятийная) зона концепта во многом определяется его лексическими репрезентантами в составе идиом. В английском языке ядро репрезентантов (прямой номинации) концепта представлено достаточно большим числом лексем – *job, work, labour* ('труд', 'работа'), – а также лексемами *toil* ('тяжелый труд'), *deed* ('дело'), *business* ('дело', 'работа'), *career* ('карьера'), *do* ('делать') и членами этих словообразовательных гнезд (*A job of work* 'тяжелая работа'; *Carve out a career for oneself* 'делать карьеру'; *a labour of love* 'бескорыстный или безвозмездный труд').

В целом доля прямой номинации концепта составляет 35,3% от общего числа фразеологических единиц. Наиболее употребительными в составе ФЕ являются лексемы *work, job, labour, do*, среди которых самой частотной является лексема *work* (54,8% словоупотреблений, образующих ядро), а остальные имеют примерно одинаковую регулярность употребления (12%). Именно лексема *work* принята нами за концептообразующую, поскольку она не только самая употребительная, но и самая общая по значению.

Для английской фразеологии свойственно четкое противопоставление *труда* как деятельности и *работы* как службы, источника заработка. Так, положительно оцениваются высокое положение в служебной иерархии и подъем по служебной лестнице, высокая оплата: *Be on the climb* 'делать карьеру' (букв.: быть на подъеме), *Fall into a good (или nice) berth* 'найти хорошо оплачиваемую работу'. При характеристике затра-